

ИНТЕРВЬЮ * ЗА РУБЕЖОМ

«Я родом из детства»

Сегодня мы предлагаем нашему юному читателю беседу с известным композитором, автором многих популярных песен — «Песенка Крокодила Гены», «Чунга-Чанга», «Идет солдат по городу», «Когда сады цветут», «Пропала собака» (этот список можно еще долго продолжать) — Владимиром Яковлевичем ША-ИНСКИМ.

СОВЕСЕДНИК ПОДРОСТКА

БУДЕМ ВЕРИТЬ В ХОРОШЕЕ

— Владимир Яковлевич, что из впечатлений детства особенно на Вас повлияло?

— Я бы не сказал, что мое детство было легким. Мама воспитывала меня одна, я рос неизбалованным ребенком. Но все равно детство вспоминается мне как пора горячей всепоглощающей любви. И — красоты.

Мы жили в Киеве. Вот я сейчас произнес «Киев» — и вспомнил... Прошел дождь, летний, теплый. Асфальт был мокрый, и лужи пускали пузырьки. Деревья стояли зеленые и умытые. Над золотыми куполами Лавры медленно и робко выглядывало из-за туч солнце. Воздух — потрясающий, ешь, как мороженое, целыми пачками!

Я шел по городу, держась за мамину руку. Я был горд необычайно. Мама купила билеты в театр оперы и балета, на оперу Римского-Корсакова «Садко». Мне было четыре года. Я шел в театр впервые.

Опера стала в моей жизни первым зрелищным представлением (я еще не был ни в цирке, ни в детском, ни в драматре). И — клянусь — до сих пор помню, как звучали именно тогда отдельные куски оперы.

В опере было много музыки, и я был покорен. На всю жизнь.

Актриса — певица в «Садко» — плакала. Я спросил маму: «Она плачет взаправду или понарошку?». И мама не отмахнулась от моего вопроса, ни сказала «подрастешь, узнаешь», ни ответила «да, взаправду» или «да, понарошку». Она мне просто стала рассказывать о театре, опере, знакомить меня с музыкой. Я до сих пор ей очень благодарен за те первые уроки, и что особенно приятно — мама разговаривала со мной, как со взрослым. Мне было четыре года, а мама видела во мне человека, способного уже многое понять, осмыслить.

И теперь, когда обо мне говорят — детский композитор, я протестую. Я не пишу песни специально для детей или взрослых. Я считаю, что настоящая песня должна нравиться всем — и большим, и маленьким. Каждый ребенок — уже человек, и каждый человек — еще ребенок. И вот этим — простите за громкие слова — моим творческим кредо я обязан своей маме, своему детству.

— Какие черты характера, сложившиеся в юности, определили Вашу дальнейшую судьбу?

— В нашей семье всегда уважалась простота, не простоватость, а именно простота — демократичность, отсутствие важничанья, уважение к коллективу. Мама приучала меня уважать чужое мнение, уважать коллектив.

В детстве я был немного замкнутым ребенком, но очень коммуникабельным, погруженным в себя. Я не совсем уютно чувствовал себя в коллективе, и коллектив не всегда принимал меня за своего. Сей-

час я понимаю, что коллектив был прав. Нельзя замыкаться в себе, нужно любить жизнь, людей.

И когда я выступаю перед аудиторией — я вижу коллектив людей. И мнение этих людей об мне и моих песнях мне дороже, чем отзывы музыкальных критиков. Потому что самое объективное мнение складывается из массы субъективных — эмоциональных, непосредственных. Аудитория — это единый организм, очень чуткий к настоящему, Фальшь зал почувствует так, как ни один самый тонкий критик.

— Есть ли разница между теми качествами, которые Вы ценили в людях в юности и сейчас?

— В принципе — нет. И в юности, и сейчас я очень ценю и ценю простоту, порядочность, воспитанность. И, конечно, доброту. С годами я понял, как это важно — быть добрым, внимательным к людям. Мы так зачастую бываем раздражительны, капризны, можем мимоходом, невзначай обидеть человека...

Я сейчас стараюсь, когда мне показывают композиторы свои песни, не торопиться ругать, быть помягче, в отрицаниях сдерживаться. И если есть, что похвалить, то, я считаю главное — успеть сказать хорошее. Ведь как бывает порой — вначале и не можешь понять — нравится тебе песня или не очень. А потом песня становится популярной, люди поют ее с удовольствием, и тебе тоже она нравится.

Вот как было с «Песней Крокодила Гены». Режиссер мультфильмов о Чебурашке и Крокодиле Гене Роман Качанов попросил меня написать песню: «Срочно, срочно, выручай, старик». Я говорю — нет у меня подходящей мелодии. Ничего, сказал Роман, давай сыграй «заготовки», импровизируй, я выберу. Я играю. Роман — нет, не то, еще, еще, не годится, ерунда. И потом — стой, вот, вот эта... Это была мелодия Крокодила Гены, «Ну же! Это тебе нравится?» — спросил я. «Да», — мужественно ответил Роман. Созвали худсовет. Худсовет послушал и сказал: «Очень плохая мелодия». Но Роман убедил их, что мелодия хорошая. Потом поэт Эдуард Успенский принес стихи. Я прочитал и сказал: «Плохие стихи. Что это такое — в «мультике» идет Крокодил Гена, играет на гармошке и слова песни тоже: «Я играю на гармошке у прохожих на виду»? И так понятно, что он на гармошке играет, а не яичницу жарит». Режиссер тогда меня попросил: «Не мешай, пожалуйста, мне очень нужно, чтобы Крокодил Гена играл на гармошке». Я обиделся: «Хорошо. Я не буду мешать. Но даю слово — никто эту песню петь не будет. Ставлю на ней крест. Всего хорошего!» Произошла ошибка. Счастливая ошибка. Песню поют...

— О каких упущенных в детстве возможностях Вы жалеете?

— Ох, да обо всех. Каждый день я упускал какие-то возможности, как это у Фолкнера: «Жизнь есть цепь упущенных возможностей»? Вот, вот — верно. Если бы мне предложили прожить вторую жизнь — я бы прожил ее по-другому. Зачем второй раз жить также — неинтересно! Я бы, во-первых, много работал — все-таки я был лентяй (и сейчас, признаюсь, еще полностью не излечился от этого порока). Больше бы в детстве занимался спортом. Это вот теперь я и коньки, и лыжи люблю, и подводной охотой занимаюсь, и плаванием. А в детстве как-то не очень всем этим увлекался. Приходится теперь наверстывать упущенное. Спорт помогает лучше почувствовать жизнь. На даче у меня турник, гантели, гири. Я каждый день бегаю по 4 км. Ни разу не был в санатории, люблю походы с рюкзаком за спиной. Не могу жить без велосипеда. Мы с сынишкой — ему 7 лет — заядлые велосипедисты. Сына своего я с измальства приучил к спорту. Он у меня уже сейчас имеет III юношеский разряд по фигурному катанию. Так что, если о чем жалею из своего детства — стараюсь сейчас исправить, научить этому сына.

— Детская аудитория принимает Вас с восторгом. Вы удивительно легко находите общий язык с детьми, много общаетесь с ними. Что же вам нравится и что не нравится в современных детях?

— Современные дети больше знают, лучше воспитаны. Они спортивные, красивее, интеллигентнее. Они — более спокойные дети (мы были нервные — послевоенные годы, голод, трудности, переживания далеко не детские). Жизненные условия наших детей более достойные — и это очень хорошо. Но иногда я боюсь за своего сына — у него есть все, не вырастет ли он избалованным человеком, не способным победить трудности? Я хочу, чтобы он был сильным. Жизнь есть жизнь. И она всех испытывает на прочность. Слабые жизненные испытания озлобляют, мелячат.

Мы с женой приучаем сына к труду, к трудностям. Мы не хотим его воспитывать в оранжереях. Чтобы он вырос и сказал: «Ах, жизнь вовсе не так прекрасна, как вы мне рассказывали. Зачем меня обманывали?» Я хочу, чтобы и мой сын и другие дети знали с детства, что жизнь — очень сложная штука. И не всегда все бывает в ней по справедливости, по правде. Но все равно мы должны бороться и за справедливость, и за правду.

Жизнь — сложная штука, но не нужно ее бояться. Нужно верить в хорошее. Очень верить. И тогда это хорошее непременно сбудется.

Интервью вел
З. ЕРОШОК.

